

Т. А. Снигирева, Е. К. Созина
**«ВОЙТИ В КАРТИНУ, КАК В ИЗБУ»:
 ЯЗЫК САМООПИСАНИЯ В ДОРОЖНОМ ДНЕВНИКЕ
 И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ В. КАНДИНСКОГО***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-68-77

УДК 39(470.531):75.03 ББК 85.103(2=411.2)-021

В 1889 г. Василий Кандинский, будучи студентом-юристом Московского университета, отправился в этнографическую экспедицию в зырянский край. Впечатления от путешествия были описаны им в дневнике, опубликованном лишь в XXI в., и в двух этнографических статьях. Используя дискурсивный, нарратологический и контекстуальный методы анализа этих документов, авторы, с одной стороны, выявляют связи художника с финно-угорской культурой, с интересом этнографов конца XIX в. к культуре народа коми, с другой — реконструируют характер метаязыка «зырянских штудий» В. Кандинского и его влияния (через годы) на живописный язык художника-авангардиста. Дневник рассматривается как своеобразный текст самоописания, в котором не только раскрывается личность будущего художника, проявляются его живописные, цветовые интенции, но и в неожиданном ракурсе предстает земля коми и сам народ (В. Кандинский описывал их неоднократно и позже). Авторы приходят к выводу о том, что эта поездка стала для молодого исследователя своеобразной инициацией, пробудившей в нем некие духовные и художнические интуиции, не вполне подвластные рациональному сознанию и попавшие в тон и ритм отечественного и западноевропейского искусства первых десятилетий нового века. «Шаманизм» В. Кандинского, т. е. его интерес к магической, обрядовой практике народов Российской империи (не только зырян), начавшийся с увлечения этнографией, в дневнике как тексте самоописания находился на периферии и сместился в центр его художественно-творческой деятельности позже, когда был проявлен и осознан, совпав с любовью к цвету и с внутренним пониманием синтонии ощущений, даваемых цветом/звуком/музыкой/словом. Во время расцвета В. Кандинского как художника эти мистические интуиции и озарения стали метаязыком его творчества и во многом определили его новаторство в области живописи.

Ключевые слова: *Кандинский, языки самоописания, дневник, этнография, культура коми, авангардное искусство*

Путешествие Василия Кандинского, студента Московского университета (как предполагалось, будущего юриста), в зырянский край длилось месяц: 28 мая 1889 г. он приехал в Вологду, оттуда отправился в Кадников и несколько соседних деревень, а далее — Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Яренск, Усть-Сысольск, Усть-Кулом, Лальск и обратно — Усть-Сысольск

Снигирева Татьяна Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет; в.н.с. сектора истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: tas0905@rambler.ru

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., профессор, зав. сектором истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: elenasozina1@rambler.ru

* Статья выполнена по проекту РФФИ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века»

и Великий Устюг. От поездки в «Зыряндию» у В. Кандинского остался его дневник, опубликованный только в XXI в.¹ (хранение дневника и путь к его изданию — отдельная, весьма драматическая история), и несколько статей, появившихся в самом конце 1880-х гг. в «Этнографическом обозрении» — влиятельном журнале того времени. Причины, подвигнувшие будущего художника в это путешествие, разнообразны и разноречивы: это и его интерес к поиску своих родовых корней (по материнской линии В. Кандинский — немец, по отцовской — найдены финно-угорские корни), стимулированный общением с Николаем Харузиным, членом этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, и общий подъем этнографической активности русской интеллигенции в те годы, и бурное

¹ См.: Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства: в 2 т. Т. 2: 1918–1938. М., 2008. С. 373–393; Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. Сыктывкар, 2013.

обсуждение истории зырянской письменности в тогдашней российской печати.²

Сам В. Кандинский возвращается к этой поездке «памятью зрения» живописца и дискурсом ученого-этнографа на протяжении всей жизни — в статьях и рецензиях, в теоретических работах по искусству, в мемуарной прозе, письмах. Приведем лишь несколько его высказываний: «Я въезжал в деревни, где население с желто-серыми лицами и волосами ходило с головы до ног в желто-серых же одеждах или белолицое, румяное с черными волосами было одето так пестро и ярко, что казалось подвижными двуногими картинами»;³ «...особенно сильными впечатлениями моего студенческого времени, также определенно сказавшимися в течение многих лет, были: Рембрандт в петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию, куда я был командирован Московским обществом Естественных, Антропологии и Этнографии»;⁴ из письма к Н. Харузину: «А мысли бродят то где н[и]б[удь] в Крыму, то в Париже, то у Зырян».⁵

Настойчивое возвращение памяти к месячной поездке неслучайно, и некоторые исследователи видят в ней истоки поворота В. Кандинского к живописи и к открытию беспредметного авангардного искусства. Справедливо будет упомянуть и о других версиях эстетических основ его художественных поисков и открытий. И. Аронов видит их в безусловном влиянии на живописца западноевропейского символизма, русской религиозной философии и, особенно, русского символизма. С точки зрения ученого, именно «идея символистского мифотворчества» помогает многое понять в специфике «образного языка Кандинского».⁶ Б. М. Соколов же связывает переход художника от фигуративных образов к абстрактному искусству с его глубинным интересом к теософии с ее эсхатологическими идеями духовного преображения мира.⁷

² См. об этом: Предисловие // Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. С. 6. См. также: Керимова М. М. Николай Харузин Василий Кандинский // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 14–33.

³ Кандинский В. В. Ступени. Текст художника // Кандинский В. В. Избр. тр. по теории искусства: в 2 т. Т. 1: 1901–1914. М., 2008. С. 308.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Цит. по: Аронов И. Кандинский. Истоки. М., 2010. С. 290. Здесь и далее в цитатах сохранены квадратные скобки, использованные в публикациях на месте опущенных автором частей слов.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ См. об этом подробнее: Соколов Б. М. Кандинский. Эпоха Великой Духовности. Живопись. Поэзия. Театр. Личность. СПб., 2016.

Издание зырянского дневника и републикация забытых этнографических работ В. Кандинского актуализировали связь крутого перелома в судьбе художника с его поисками (и в какой-то мере обретением) финно-угорских корней. Тщательно готовя публикацию «Путешествия В. Кандинского к зырянам в 1889 г.», ее авторы убедились в несомненном влиянии на художника культуры не только народной русской (прежде всего лубка, как считает Б. Соколов, и иконографии, как предполагает И. Аронов), но и именно зырянской. Они пишут: «На страницах альбома представлены картины В. Кандинского из собраний ряда российских музеев. Наше обращение к определенным его полотнам исходило из ощущений, которые возникают при погружении в текст Кандинского. Соотнесение фрагментов произведений художника с теми или иными предметами народного искусства построено на принципе ассоциативности и “игры текстов”. В определенной степени стремление представить “игру текстов” было продиктовано одним из размышлений самого художника: “Я часто зарисовывал эти орнаменты, никогда не расплывающиеся в мелочах и писанные с такой силой, что самый предмет их растворялся. Так же как некоторые другие, и это впечатление дошло до моего сознания гораздо позже”».⁸

Внешняя непритязательность дорожной записной книжки поражает только отчасти, поскольку счета, список вещей, качество еды, вид транспорта, замечания о ночлеге, физическом самочувствии (вплоть до физиологических подробностей), адреса новых знакомцев и другие бытовые записи традиционны для путешественника. Но при всей беглости записей внимательное прочтение обнаруживает, что бытовой слой только внешне главенствует в дорожной записной книжке, нарративная организация которой весьма сложна и свидетельствует о главном, по сути экзистенциальном, состоянии молодого путешественника — об углублении в себя и познании себя (о чем он напишет много позже). В дневнике «сошлись» несколько повествовательных пластов. Кроме фиксации непростой бытовой жизни путешественника, это и пометки, соотносимые с главной — этнографической — целью экспедиции: «Вологодские дневниковые записи Кандинского помогают восстановить не только крут

⁸ Предисловие // Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. С. 9.

научных поисков начинающего этнографа, но и ...картину краеведческих исследований, которые проводились любителями истории в Вологодской губернии. <...> Скупые дорожные записи позволяют представить и жизнь провинциальных городов, какой она виделась москвовскому студенту. Особо ценны его записи о зырянах: живые непосредственные зарисовки о встрече двух культур».⁹

Беседы с местными писателями, краеведами и этнографами (Ф. А. Арсеньев, Н. А. Иваницкий, Н. А. Полиевктов, В. Е. Кичин), упоминание работ ученых-лингвистов, занимающихся Севером (Ф. И. Видеман, А. И. Шёгрэн), внутренняя сверка своих наблюдений с их трудами — все это связано с повествованием этнографа, которое соседствует, дополняясь, с нарративом путешественника, фиксирующего впечатление от встреч с представителями иной культуры, дающего описание городов, поселений, деревень: «Пиво потом пьется всеми. Напиваются, поют, пляшут. “На игрищах” тоже пляшут и поют, но песен своих нет; есть только переводы с русского»;¹⁰ «Все дико и бесконечно бедно. Везде бедно, бедно. Только и жалоб, только и слов. По дороге иногда попадаются часовни чисто монгольского типа. Откуда — это?»;¹¹ «Обращение сдержанное, жестов мало»;¹² «Ездил 45 в. верхом. О, Боже, не пошли же сего и врагу моему. Найдена еще песня, но... без конца» и т. д.¹³

Языковая специфика личности В. Кандинского проявляет себя и в усвоенном с детства билингвизме (русский и немецкий), и в лексике образованного человека (свободное владение латынью), и в остром слухе на чужое слово. Так возникает своеобразная языковая пестрота дневника (Шой-яг, пеля-шапка, вёрса, рыныш, пывсян, Коми войтыр, керка, etwas, chambres Verstopfen, O Stella mea! Es ist lossgegangen, Simplicitas morum! и т. д.), свидетельствующая о сложности повествования «непритязательных записей». К этому добавляется еще одна немаловажная деталь, характеризующая документ как дневник не просто этнографа, путешественника, интеллигента, но также и художника. Он не только слышит, но и видит мир, закрепляет его не только вер-

бально, но и визуально, что тщательно фиксируется публикаторами дневника: «[Вверху рисунки с подписью] пояс кожаный. [Внизу слева: набросок стола, справа — обозначение цветов:] а — красный, b — желтый, с — синий, d — желтый, e — зеленый, f — белый, ~ — синий, - - - — красный, [замечание автора:] сильно развита любовь к крашеным яркими цветами столам [и дополнительное указание:] с прижиманием кисти по винтам»;¹⁴ «[Рисунок с подписью:] Пывсян (холодный); [Рисунок с подписью:] Бывает и на камнях и обрубях. [Вверху рисунок с подписью:] пывсян (теплый), [внизу рисунок с надписью посередине:] колодец. <...> [Рисунок крыльца с подписью:] Усть-сысольский у[езд]».¹⁵

Уже сама внутренняя сложность повествовательной структуры дневника В. Кандинского сигнализирует о том, что реальные последствия путешествия значительно глубже: это (скажем еще раз) экзистенциальный, мировоззренческий поворот, о котором говорят его позднейшие признания в автобиографических книгах, и это его живописные работы, во многом ставшие отдаленным следствием его путешествия. «То, что я ехал совсем один, давало мне неизмеримую возможность беспрепятственно углубляться в окружающее и в самого себя»,¹⁶ — писал он спустя двадцать лет о своем путешествии. Уже это высказывание позволяет рассматривать текст его дневника, а также две статьи¹⁷ как своего рода самоописания, не только определившие его собственный путь, но и ставшее предтечей поворота внимания других исследователей и поэтов к культуре и жизни народов России.

По существу, высказывание В. Кандинского сопоставимо с суждениями другого автора, признанного авторитета в области этнографии и антропологии так называемых «примитивных» народов. Обозначая новый подход в антропологии и связывая его с открытиями Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Строс писал: «Когда антрополог приступает к своим исследованиям, он всякий

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Кандинский В. В. Ступени. С. 309.

¹⁷ Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 102–110; Рец. на кн. Г. С. Лыткина (преподаватель Санкт-Петербургской Шестой гимназии) «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык», пособие по изучению зырянами русского языка. СПб., 1889 // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 166–168. Статьи как со-провождение дневника В. Кандинского опубликованы в кн.: Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Дневник В. Кандинского // Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. С. 18.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 30.

раз попадает в мир, где все ему чуждо и часто враждебно. <...> В условиях физического и морального изнурения, вызванного усталостью, голодом, неудобствами, нарушением установившихся привычек, неожиданно возникающими предрассудками, о которых антрополог и не подозревал, — в этом трудном сплетении обстоятельств его “я” проявляется таким, каким оно является в действительности: несущим на себе следы ударов и потрясений его личной жизни, которые некогда не только определили выбор его карьеры, но и сказываются на всем ее протяжении. Вот почему в своей работе антрополог часто избирает самого себя объектом своих наблюдений. В результате он должен научиться познавать себя, смотреть на себя объективно и издали, как если бы то был посторонний человек».¹⁸ Об этом позднее напишет Н. Луман: «...всякое познание управляется самонаблюдением и самописанием. <...> Система сама вынуждена осуществлять наблюдение своего наблюдения, описание своих описаний».¹⁹

Примерно такой взгляд на себя «объективно и издали» дает дневник В. Кандинского, что связано с его лаконичностью, во многом обусловленной не только обстоятельствами, самим жанром путевого дневника, но также, по-видимому, и своеобразием личности автора, не склонного к сантиментам, его вниманием к «другому», отличному от него самого, хотя это «другое» проявлялось прежде всего в нем самом и через него.

Путешествуя по страницам дневника будущего художника, мы видим, как он обретает художническое зрение и как оно все более и более выходит на первый план и начинает определять многое в его восприятии окружающего мира, как он постепенно освобождается от привычных в ту пору представлений о том, что ждет путешествующего по внутренним регионам России и каковы должны быть зыряне — новый народ, встреча с которым и определила основные открытия дневника и самого В. Кандинского. Эти привычные ходы, стереотипы путешественника, наблюдающего иной этнос, назовем *common opinion* — «общим мнением», взгляд сквозь призму которого был характерен для русского реализма середины XIX в. Совокупность такого рода стереотипов часто определяет «бренд» терри-

тории. Например, в отношении Урала это его горнозаводское, индустриальное прошлое, совсем недавно бывшее настоящим («опорный край державы»); в отношении Севера — восприятие его как края холодного и сурового; Петербурга — как «града Петрова», воздвигнутого «из топи блат» и хранящего в своем облике ставшую привычной культурную амбивалентность, и т. д. С точки зрения теории самописаний, так формируется некий мета-язык, составляющий центральную зону текста самописания,²⁰ продираясь сквозь который или отталкиваясь от которого и движется сам текст, формируется новый язык, ломающий традицию.

С первой страницы дневника В. Кандинский прописывает для себя взгляд, на который он ориентируется и который традиционно создавал язык описания Вологодского края. «В Усть-Сыс[ольске] Арсеньев (Куп[ец]) В Кадни[кове] Иваницкий (Межаков) В Никольском Межаков будет через неделю В Усть-Сыс[ольске] Михаил Ив[анович] — Д-р Тур. В Тотьме Вас[илий] Тимоф[еевич] Попов»²¹ — это те авторитетные люди, знатоки края, с которыми он хотел бы встретиться или на описания которых ориентируется. В. Кандинский тщательно готовится к путешествию, продумывает и записывает маршрут, читает литературу, в том числе «Вологодские губернские ведомости». *Common opinion* восприятия зырян он также намечает заранее, по прочтении книг: «Зыряне — не общительны (Корм[илицын]), Боятся чиновников (Иваниц[кий]) Переводчика можно достать в Усть-Сысольске. Зыряне общительны (Никитин)».²² Затем эти стереотипы пройдут проверку, и не все будут разрушены. Наибольшее количество *common opinion* встречается в описании автором самого пути к зырянам, проходящего через почтовые станции и провинциальные города. «Приехал [в] Вологду. Маленький, чистенький, но идеально скучный городок. <...> Дождь льет, небо безнадежно серо», — записывает В. Кандинский и тут же — свое чувство по этому поводу: «Неужели так будет все время? Нет-нет, да такая тоска схватит за сердце, что хоть плачь».²³ Серость и скука провинции вызывают

¹⁸ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 21, 22.

¹⁹ Луман Н. Самописания. М., 2009. С. 15.

²⁰ См. об этом: Монтичелли Д. Самописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 46–51.

²¹ Дневник В. Кандинского. С. 11.

²² Там же. С. 13.

²³ Там же. С. 21.

уныние: «Все эти почтовые станции так и дышат Гоголем».²⁴ Здесь Гоголь упоминается как задавший тон в изображении провинции и ее путей сообщения — создавший метаязык русской литературы. «Ст[анция] какой-то оазис среди “Европы”! Все дико и бесчеловечно бедно».²⁵ С лошадьми плохо, при ночевке на станции кусают блохи (потом появятся комары и оводы), служащие мальчишки хотят получить чаевые («Как туча воробьев бросились на гривенники»²⁶). Тотма — «хорошенький, чистенький, но бесконечно провинциальный город»;²⁷ цирк в Великом Устюге — «печальное зрелище». Наконец, появляется отклик внешнего мира на путешественника, тоже выдержанный в стиле *common opinion*, но уже содержащий некоторую дистанцию автора дневника не только от наблюдаемого мира, но и от себя в нем: «В 10 ч. при стечении публики двинулись в путь (“Вот он путешественник... этнограф”»)²⁸ Или: «Обедал и гулял в саду, обращая на себя, как иноземец, общее внимание».²⁹ Здесь очевиден непосредственный элемент собственно самоописания, переход субъекта на стадию объекта — с позиции наблюдающего на позицию наблюдаемого при сохранении первой, т. е. проявление авторефлексии пишущего. Впрочем, надо сказать, что привычные литературные коды не оставляют письмо В. Кандинского до конца дневника: на обратном пути вновь появляется тема грязных почтовых станций, а урядник на одной из них принял путешественника за ревизора — еще один гоголевский ход/код.

По мере продвижения в глубь зырянского края стереотипы восприятия и штампы языка начинают вытесняться новизной и необычностью увиденного, услышанного, познанного. «В Зырянах» дороги оказываются несколько лучше, народ в селе неподалеку от Кадникова «веселый и открытый»,³⁰ «говорят здесь странно, как будто с малор[осийским] акцентом и почти все не произносят “г”»³¹ (позднее о языке коми — «быстро тараторили»,³² непонятно), наконец, встречается сугубо личное, частное наблюдение над собой: «В первый

раз в жизни испытал на себе, что кусок горячего мяса — роскошь».³³ Но основное ощущение, с которым связан для В. Кандинского зырянский край, — это холод. В качестве метаязыкового элемента он становится кодовой темой его нарратива: «Зырянское начинается. Холод!»³⁴ (запись от 12 июня); «Холодно, градусов 5–6. Часа в 2 жарко»³⁵ (температурные контрасты; запись от 14 июня); «Ночью переправлялся через Двину в карбасе. Холод нестерпимый. Никак не согреться»³⁶ (запись от 15 июня); «В “Зырянах” на днях был снег»³⁷ (запись от 16 июня); «Весь день и ночь холод. В полушубке только что в пору. <...> 3 дня назад выпал снег и покрыл всю землю»³⁸ (запись от 17 июня); «Всю ночь так и не спал. Холодно — смерть! Я думаю, был мороз»³⁹ (запись от 23 июня). Тему холода побеждает не только интерес, но и забота, которую путешественник испытывает со стороны неведомых ему зырян: «Ночью коми заботливо укрывал меня».⁴⁰ В. Кандинский составляет свое мнение о народе, и в этом тексте самоописания метаязыковые стереотипы срабатывают как личные узнавания рассказчика: он «присваивает» то, что ему подходит, отвечает его личному ощущению. Так, он отмечает, что зыряне действительно «запуганы чиновниками до невероятности», «но легко поддаются ласковому обращению»,⁴¹ «Зыряне бегают меня смотреть. Все же 170 верст чувствительны»,⁴² и наконец, — «Зыряне премилый народ. Все на них клеветают. <...> Я положительно влюблен в зырян».⁴³

Культура зырян, открытия и находки, сделанные В. Кандинским в поездке, отражены в дневнике так же лаконично. Но здесь следует вспомнить о способности самоописания осуществлять механизм исключения (вытеснения, по З. Фрейду). «Все, что непереводаемо в термины метаязыка, несущественно и вытесняется за пределы семиотического пространства как несуществующее», — писал Ю. М. Лотман.⁴⁴ В. Кандинский не делает обобщений и

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 31.

³³ Там же. С. 24.

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 31.

⁴⁰ Там же. С. 30.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Там же. С. 30.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Цит. по: Монтичелли Д. Указ. соч. С. 48.

не комментирует увиденное им в краю зырян, но функцией «говорения» обладают сами его наблюдения и их фиксация. В дневнике есть сведения об образе жизни и быте народа: автор фиксирует предметы одежды и обуви (пимы, совик, «малича», пеля-шапка «за 2 р.», есть даже их изображения), особые строения зырян (пывсян, керка), особенности еды («яшный хлеб» — «солома не солома, а чорт знает что такое», но тут же оговорка: «Говорят, горячим его есть вкуснее. М[ожет] б[ыть]!»),⁴⁵ яркое впечатление: «Ели утку и рыбу, как пострешинские Коми — раздирали руками»⁴⁶). И вот короткое резюме: «Недоумение пропадает. О Stella mea!»⁴⁷ — или совсем немногословно: «Зыряне... Зыряне...»⁴⁸

Самое главное для В. Кандинского — это открытия, касающиеся духовного наследия народа, но крепко связанные с его бытовой и, если можно так выразиться, декоративной культурой. Выполняя этнографическую миссию, В. Кандинский собирал устное творчество народа, и в процессе этой работы также происходило преодоление им определенных стереотипов. Достаточно устоявшимся было представление о том, что у коми слабо развита оригинальная песенная традиция: сказания, легенды и пр. есть, а вот своих песен нет, все в основном заимствованы у русских. С этим мнением спорил И. Куратов: как пишет В. А. Лимерова, «появившиеся в “Вологодских губернских ведомостях” пять стихотворений И. Куратова под видом народных песен были радикальной попыткой поэта переломить ситуацию, придать коми слову и народу новый статус...»⁴⁹ Это принимает во внимание В. Кандинский, стремящийся найти у зырян именно песни, о чем свидетельствуют многочисленные записи в дневнике. В Кадникове: «Был у Иванецкого целый вечер. Он читал мне свой дневник с Печоры, подбирали песни и говорили».⁵⁰ В Усть-Сысольске, после разговоров и встреч с разными людьми: «Песня найдена!»,⁵¹ «Песни семейные сущ[ествуют]».⁵² В Усть-Куломе: «Конец песни найден, но не м[ожет] б[ыть]

пропет, т. к. певец заболел. Нашел загадки. Найдена еще песня о вдове и ее дочери. Здесь бы пожить, то кое-что нашлось бы».⁵³ А по возвращении в Усть-Сысольск и по выезде в соседнюю деревню — разочарование: «Песни поют исключительно русские. Всего раз пели по-зырянски, но переводную (“Жил некогда в Англии царь молодой”»)⁵⁴

Общепризнанным жанром народного творчества, хранящим остатки язычества, считались в ту пору заговоры, и В. Кандинский записывает: «Нет заговоров скота от зверя, а молебны».⁵⁵ Параллельно он увлекается действительно оригинальным мифотворчеством народа. Так он кратко пересказывает поверье о ползниче: «Во ржи прежде жили женщины и хлеб был лучше».⁵⁶ Решающая для него находка состоялась в Усть-Куломе (там же, где были записаны песни и загадки): «Бог Чудов найден!» (по-видимому, речь идет о находке чудского захоронения), и здесь же темное место: «Роды — найдены!»⁵⁷ Отметим также записи без дат о сцене похорон, которую наблюдал В. Кандинский во время поездки, и связанные с нею строчки его собственных (как предполагают комментаторы) стихов, а также запись, возможно, фольклорного текста — типа похоронной заплачки.

Но между всем этим явным, подлежащим записыванию и хранению, возникает неявное, привычное для местных жителей и обычных путешественников и ставшее для будущего художника его личным открытием, с неожиданной стороны показывающим этот суровый край и его обитателей. Символом личного открытия В. Кандинского, стягивающим на себя весь его дискурс, может выступать такая запись: «Мыл было блюдце — не отмывается, а грязь сидит комьями! Что за черт? Вгляделся — а это цветы нарисованы...»⁵⁸ Хотя в дневнике есть, как уже упоминалось, рисунки (одежды, головных уборов, изб, элементов ландшафта), но главное — это, конечно, цвет, которым и в котором жил Кандинский-художник. Его внимание к цвету в дневниковом дискурсе находится на периферии — оно выйдет в центр личного самосознания художника позже: «В этих-то необыкновенных избах я и

⁴⁵ Дневник В. Кандинского. С. 20.

⁴⁶ Там же. С. 30.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 29.

⁴⁹ Лимерова В. А. «Текст языка» в творчестве И. А. Куратова и его современников // Литература Урала: история и современность. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург, 2010. С. 105.

⁵⁰ Дневник В. Кандинского. С. 26.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 30.

⁵⁴ Там же. С. 31.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Там же. С. 29.

⁵⁷ Там же. С. 30.

⁵⁸ Там же. С. 33.

повстречался впервые с тем чудом, которое стало впоследствии одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить. Ярko помню, как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение, красками переданная песня. <...> Когда я, наконец, вошел в горницу, живопись обступила меня, и я вошел в нее. С тех пор это чувство жило во мне бессознательно, хотя я и переживал его в московских церквях, особенно в Успенском соборе и Василии Блаженном. По возвращении из этой поездки я стал определенно сознавать его при посещении русских живописных церквей... Вероятно, именно путем таких впечатлений во мне воплощались мои дальнейшие желания, цели в искусстве. Несколько лет занимало меня искание средства для введения зрителя в картину так, чтобы он вращался в ней, самозабвенно в ней растворялся».⁵⁹ Издавая дневник В. Кандинского, его составители постарались вывести на первый план зрительные параллели и связи между картинами художника и орнаментальным, цветовым народным искусством коми: таковы соответствия и в цвете, и в чередовании определенных цветовых форм, и в их композиции в составе целого. Поистине дневник В. Кандинского следует рассматривать и как текст-самоописание, где складывается его собственный язык, и как самоописание края, состоявшееся благодаря видению художника.

Однако впечатления от поездки отразились не только в дневнике, но и в упомянутых выше двух публикациях — в статье «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям)» и в «Рецензии на книгу Г. С. Лыткина...». Для избранного аспекта анализа особо интересна первая статья. В. Кандинский ставит в ней задачу, «насколько возможно, восстановить следы языческого периода, поскольку они проявляются в хаосе современных религиозных представлений, образовавшихся под сильным влиянием христианства».⁶⁰ Выполнение ее трудно, так

как зыряне сохранили мало связи с прошлым, поскольку слишком быстро произошел поворот к христианству. В. Кандинский отмечает: «Всякая связь с прошлым была порвана сильной рукой проповедника, предки-язычники получили оскорбительное название “поганных”...»⁶¹ Зыряне, говорит он далее, не признают своего родства с чудью, забыли Золотую бабу, Войпеля, Йомалу, о культе которых писали другие авторы. Но, тем не менее, В. Кандинскому удалось найти «несколько весьма слабо обозначенных следов древней языческой религии»,⁶² и среди них наиболее поразило его представление зырян об орте как двойнике человека, который показывается перед смертью человека ему или его родным. Культ умерших предков особенно развит у зырян, и потому многие мифологические образы и верования связаны со смертью как центральным событием жизни, согласно многим языческим представлениям. Эти наблюдения В. Кандинского перекликаются с его замечаниями на страницах дневника. По сути, он выявил сущностную черту мировоззрения зырян — их сосредоточенность на загробном мире.⁶³ Не менее важно, что его статья, опубликованная в 1889 г., стала одной из первых ласточек в изменении исследовательского направления этнографии, ведь близился рубеж веков с его неомифологизмом, неоязычеством и размытием прежних, сугубо рационалистических категорий анализа и описания явлений, в том числе и народной культуры.

В 1901 г. в том же журнале «Этнографическое обозрение» публикуется статья К. Ф. Жакова «Языческое мирозерцание зырян», где он делает попытку «воспроизвести, хотя в бледной схеме при неполноте данных, языческое миропонимание зырян».⁶⁴ В 1903 г. появляется статья В. П. Налимова «Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян». Если К. Жаков, отказываясь от реконструкции представлений зырян о верховном божестве Ене, достраивает сказку о Чокыре и лисе и выводит из нее «образы старых верований, простую жизнь старых богов»,⁶⁵ то В. Налимов конструирует уже целостный космологический миф о Ене и

в 1889 г. С. 52.

⁶¹ Там же. С. 53.

⁶² Там же. С. 55.

⁶³ См. об этом: Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

⁶⁴ Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян // Жаков К. Мифы Зырянского Севера. Сыктывкар, 2016. С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 18.

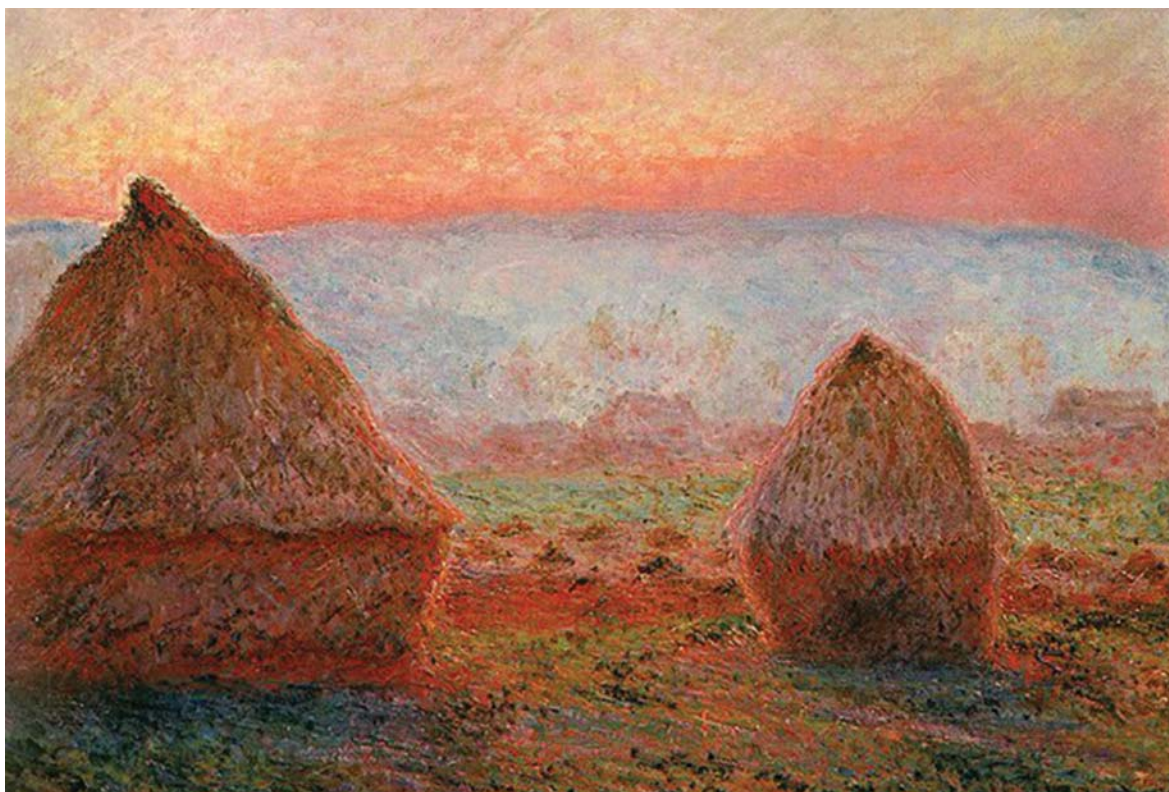
⁵⁹ Кандинский В. В. Ступени. С. 308, 309.

⁶⁰ Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // Путешествие В. Кандинского к зырянам

К статье Т. А. Снигиревой, Е. К. Созиной

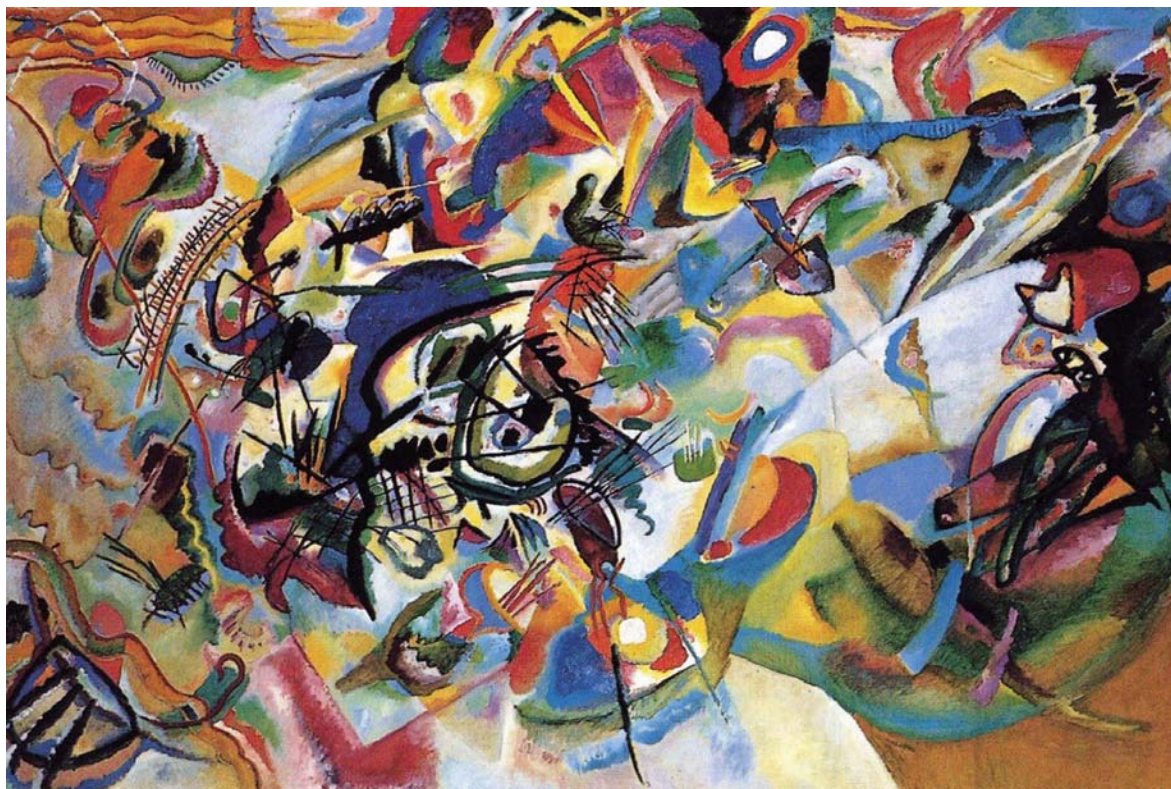
Василий Кандинский на фоне всемирно известной работы
«Композиция VIII». 1923 г. (коллаж)

Клод Моне. Стога в Живерни, закат. 1889 г.

Трепала. Верхневыхегодская роспись, конец XIX — начало XX в.

Василий Кандинский. «Композиция VII». 1913 г.

Омоле как о верховных силах, создавших мироздание, и об их взаимоотношениях с миром земных существ, в том числе людей. Он приводит тексты нескольких зырянских легенд, переключая с которыми обнаруживается в опубликованных позднее фольклорных текстах коми,⁶⁶ и, по существу, все его изложение — это именно реконструкция натуральной мифологии коми, подчас отдающая литературной стилизацией.

В 1900-е гг. начинается активное увлечение российской интеллигенции (творческой, художественной) поиском праистоков различных народов и литератур, достраивание и творение религиозных культов. И. Шевеленко указывает: «Дискурс национализма... органично вплетался в эстетическую программу; символизм как школа оказывался укорененным в национальной почве...»⁶⁷ А. М. Ремизов, найдя в ссылке в Усть-Сысольске, опираясь на беседы с В. Налимовым и К. Жаковым и, в особенности, на статью первого, создает цикл поэм «Полунощное солнце» (1903–1905). В одну из частей цикла — «Северные цветы» — входят поэмы «Омель и Ен», «Полезница», «Икета», «Кутья-войсы», «Бубыля», «Кикимора», «Закливание ветра», воссоздающие демонический мир зырянской мифологии, в который одним из первых посвятил русского читателя именно В. Кандинский.

Поворот в жизни В. Кандинского произошел в 1896 г. Он неоднократно говорил о трех сильных впечатлениях, повлиявших на его внезапное для всех решение стать художником, а не профессором Дерптского университета: это музыка Р. Вагнера, серия картин К. Моне «Стога сена» и поездка к зырянам, через годы послужившая стимулом для возникновения мысли о беспредметном искусстве, утвердившая особую точку зрения — быть и художнику, и зрителю не рядом, но внутри картины, «жить в картине», сливаясь с ее внутренним движением и музыкой, так, как в своей керке живут зыряне и народы Русского Севера. Неслучайно в одном из самых любимых домов («Русский дом» под Мюнхеном) всю мебель В. Кандинский расписал ярким флористическим орнаментом.

Очевидно и то, что картины К. Моне «Стога сена» (огромные пятна желто-оранжевого цвета, напоминающие крестьянские избы, среди дорожек света и тени на зелено-бурой траве; на других эскизах и картинах художника стога сена размещаются среди разноцветных полос земли, травы и неба) ответили личному, уже сформировавшемуся у В. Кандинского представлению о роли и значении цвета, о том, как следует размещать его на холсте. И, кстати, именно таким будет его ретроспективное впечатление о встрече с коми с их «желто-серыми лицами и волосами»⁶⁸ и желто-серой одеждой. Рихард Вагнер же, не менее К. Моне оказавший влияние на становление художника, был культовым композитором символизма. В статье 1905 г. «Вагнер и Дионисово действо» Вячеслав Иванов провозглашает его «зачинателем нового дионисийского творчества» и «первым предтечей вселенского мифотворчества».⁶⁹ Р. Вагнер считается творцом нового, синтетического, искусства и предвосхитителем антропософии, ставшей реальностью уже в годы мужания таланта В. Кандинского.

Здесь стоит сказать о том взгляде на В. Кандинского, который был развит в книге американской исследовательницы Пэг Вейс (Peg Weiss) «Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman» (1995), оставшейся нам недоступной; изложение ее ключевых положений сделал в своей рецензии В. Шалабин. Основной идеей монографии является мысль о том, что духовное открытие, сделанное В. Кандинским во время этнографической экспедиции, было обусловлено не просто его знакомством с северным народом и его культурой, но погружением в мир мистических представлений и верований коми, считавшихся в ту пору (и подчас считающихся сегодня⁷⁰) народом колдунов. «По экспедиционным материалам заметно, что собственно правоведческие вопросы все больше отступают на задний план исследования, но возрастает интерес молодого юриста к реликтам язычества и природной магии, мифологии и обрядности. <...> Позднее религиозный синкретизм, в форме как “двоеверия”, так и “чистого” шаманизма, становится устойчивой и повторяющейся

⁶⁶ См. космогонические мифы в кн.: Му пуксьом — Сотворение мира: мифология народа коми. Сыктывкар, 2005.

⁶⁷ Шевеленко И. Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М., 2017. С. 153.

⁶⁸ Кандинский В. В. Ступени. С. 308.

⁶⁹ Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 35.

⁷⁰ См. об этом: Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

темой в его художественном творчестве».⁷¹ Мотивы зырянской магии, шаманских ритуалов П. Вейс (а за ней и отечественные критики) обнаруживает во многих картинах В. Кандинского. Герменевтические интерпретации подкрепляются сообщением самого художника о том, что в их роду по линии отца был шаман, и тем фактом, о чем пишут многие мемуаристы и биографы В. Кандинского, что ближе к 40-летию у него обнаруживаются характерные симптомы «шаманской болезни», из которой он выходит посредством творчества.

Таким образом можно предположить, что поездка в зырянский край в 1889 г. стала для В. Кандинского своеобразной инициацией, пробудившей в нем некие духовные и художественные интуиции, не вполне подвластные рациональному сознанию и попавшие в тон и ритм отечественного и западноевропейского искусства первых десятилетий нового века. Живя с 1896 г. в Германии, В. Кандинский близко знакомится с Р. Штайнером, симпатизирует теософии, знакомится с трудами Е. Блаватской. Вся его деятельность периода «Синего всадника» позволяет говорить о причастности художника к эзотерическим, оккультным поискам людей искусства того времени. О том же говорит его язык — Кандинский прямо выговаривает то, что когда-то вошло в его внутренний мир на уровне бессознательных интуиций; по существу, он стремится к теургическому

действию искусства, полагая достичь этого главным образом посредством цвета. В книге «О духовном в искусстве» (1910) В. Кандинский пишет: «Вообще цвет является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша *целесообразно* (здесь и далее курсив автора. — Е. С., Т. С.) приводит в *вибрацию* человеческую душу. Таким образом ясно, что гармония красок может основываться только на принципе *целесообразного затрагивания человеческой души*».⁷² «Шаманизм» В. Кандинского, т. е. его интерес к магической, обрядовой практике народов Российской империи, начавшийся с увлечения этнографией, в дневнике как тексте самоописания находился на периферии и сместился в центр его художественно-творческой деятельности позже, когда был проявлен и осознан, совпав с любовью к цвету и с внутренним пониманием синтонии ощущений, создаваемых цветом/звучком/музыкой/словом. В период расцвета В. Кандинского как художника эти мистические интуиции и озарения стали метаязыком его творчества и во многом определили его новаторство в области живописи, породив также экспериментальные поиски в области драматургии и театра — искусства, синкретичного по своей природе.

Tatiana A. Snigireva

Doctor of Philological Sciences, Ural Federal University; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: tas0905@rambler.ru

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

“ENTER A PICTURE LIKE A HUT”: THE LANGUAGE OF SELF-DESCRIPTION IN THE TRAVELOGUE AND THE ETHNOGRAPHIC PAPERS BY V. KANDINSKY

In 1889 Vasily Kandinsky, then a law student at the Moscow University joined an ethnographic expedition to the land of Zyryan. He described his impressions in a travelogue, which was published only in the 21st century, and two ethnographic articles. By applying the discourse, the narratological and the contextual methods of analysis to these documents the authors, on the one hand, revealed the artist's connections with the Finno-Ugric culture, the late 19th century ethnographers' interest in the Komi culture and, on the other, reconstructed the nature of the meta-language of V. Kandinsky's "Zyryan studies" and its influence (years later) on the graphic language of the avant-garde artist. The travelogue was viewed as a kind of self-description text which, in addition to revealing

⁷¹ Шалабин В. Василий Кандинский — художник, этнограф и шаман // TextOnly. 2000. № 6. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue6/shalabin.htm> (дата обращения: 15.12.2017).

⁷² URL: <http://www.graphic.org.ru/kandinskij.html#2> (дата обращения: 15.12.2017).

the would-be artist's personality and his graphic and color intentions, also depicted the Komi land and the people in a new, unexpected light (V. Kandinsky returned to their descriptions more than once in the later years). The authors came to a conclusion that this trip was to the young researcher a kind of initiation, which awoke in him some spiritual and artistic intuitions reaching beyond the ordinary rationality but striking the right note and falling in rhythm with the Russian and the West European art of the first decades of the new century. In the travelogue as the self-description text V. Kandinsky's "shamanism", i. e. his interest in the magic, ritual practices of the peoples of the Russian Empire (not just the Zyryan) which started with his interest in ethnography, stayed in the periphery; and it was only later, when it was externalized and acknowledged by him, that it moved into the center of his artistic work coinciding with his love of color and the inner understanding of the syntony of perception offered by color/sound/music/word. At the peak of V. Kandinsky artistic career these mystical intuitions and insights became the metalanguage of his creative work, and in many respects defined his innovativeness in the art of painting.

Keywords: *Kandinsky, languages of self-description, diary, ethnography, Komi culture, avant-garde art*

REFERENCES

- Aronov I. *Kandinskiy. Istoki* [Kandinsky. Origins]. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury/Gesharim, 2010, 376 p. (in Russ.).
- Ivanov V. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow: Respublika Publ., 1994, 428 p. (in Russ.).
- Kandinskiy V. V. *Izbrannyye trudy po teorii iskusstva v 2 t. T. 1: 1901–1914* [Selected works on the theory of art in 2 vols. Vol. 1: 1901–1914.]. Moscow: Gileya Publ., 2008, 390 p. (in Russ.).
- Kerimova M. M. *Nikolai Kharuzin and Vasiliy Kandinskii* [Nikolai Kharuzin and Vasiliy Kandinskii]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 6, pp. 14–33 (in Russ.).
- Levi-Stros K. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994, 384 p. (in Russ.).
- Limerov P. F. *Mifologiya zagrobnogo mira* [Mythology of the afterlife]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN Publ., 1998, 125 p. (in Russ.).
- Limerova V. A. ["Text of language" in the works of I. A. Kuratov and his contemporaries]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2010, iss. 5, pp. 99–108. (in Russ.).
- Luman N. *Samoopisaniya* [Self-Descriptions]. Moscow: "Logos"; ITDGK "Gnozis" Publ., 2009, 320 p. (in Russ.).
- Monticelli D. [Self-description, dialogue and periphery in the late Lotman]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Observer], 2012, no. 3, vol. 115, pp. 40–55. (in Russ.).
- Mu puks'om — Sotvorenie mira: mifologiya naroda komi* [Mu puks'om — The Creation of the World: The Mythology of the Komi People]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2005, 624 p. (in Russ.).
- Puteshestvie V. Kandinskogo k zyryanam v 1889 g.* [The journey of V. Kandinsky to the Zyrians in 1889.]. Syktyvkar: Komi resp. tipografiya Publ., 2013, 88 p. (in Russ.).
- Shalabin V. [*Vasily Kandinsky — artist, ethnographer and shaman*]. TextOnly, 2000, no. 6. Available at: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue6/shalabin.htm> (accessed: 15.12.2017). (in Russ.).
- Shevelenko I. D. *Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii* [Modernism as archaism: nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017, 336 p. (in Russ.).
- Sokolov B. M. *Kandinskiy. Epokha Velikoy Dukhovnosti. Zhivopis'. Poeziya. Teatr. Lichnost'* [Kandinsky. The Age of Great Spirituality. Painting. Poetry. Theater. Personality]. Saint Petersburg: Buksmart Publ., 2016, 536 p. (in Russ.).
- Terebikhin N. M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangel'sk: Pomorskiy un-t Publ., 2004, 272 p. (in Russ.).
- Zhakov K. F. [Pagan world view of Zyryans]. *Mify Zyryanskogo Severa* [Myths of the Zyriansky North]. Syktyvkar: AU RK Redaktsiya zhurnala "Art" Publ., 2016, 304 p. (in Russ.).